

Андрей Десницкий

Голоса Византии

поэма

Нет, не Эллады легкая струя –
густой поток полуденного меда ...
Не государство именем народа –
народ назвали именем двора.
Куда как неприметна красота
за пышностью, и мы готовы помнить
лишь анфиладу полутемных комнат,
что во дворце ромейском завила.
И как легко владык нам осуждать,
что поступью своей обыкновенной
они прошли путями той вселенной,
какую им досталось населять.
И город, росший кольцами осад,
что не был долго тонок, зелен, гибок,
за червоточины двуличья и ошибок,
за крону, слишком тяжкую на взгляд.

Милостив, милостив, милостив
в мире войны и праздности,
в море вранья и подлости –
будь к нам, Иудой проданный,
терном на смерть обласканный,
Господи ...

ГОРОЖАНЕ

Не умеем – любить любых.
Не по силам – верить взахлеб.
Выше нежности – хлеб и кров
для невыдуманных, земных.
Хлеб поставлен – так будешь сыт.
Крест начертан – так будет свят.
Будет всеми чертами быт
в царстве мира сего стоять.
И царями сумеет свет
восходить до земных небес ...
В этом нет избавленья от бед,
но забвенья от быта – есть.

Милостива, будь милостива
к чарам вина и сладости,
к чаше вины и старости –
Та, коей ангел посланный
вымолвил тихо "Радуйся ..." –

крик поднимает город Твой .

ВОССТАНИЕ

Ипподром расплескан площадями,
улицы раздавленные дрогнут,
и ложатся в пыль под лошадьми
ободом распластанные ребра.
Топот конных, факелы и флаги –
не наездник, не кочевник – зритель
не вместился в цирки и в присяги,
плохо в трон вписался – повелитель.
И огонь не выберет виновных,
и толпа не тянет с приговором,
и мечи у финиша не дрогнут
на бегах по царским коридорам.
Отмечали вас, багрянородных –
не сочли багряноубиенных ...
Пурпуром дорожку ткали к трону
и трибунами дворца сменяли стены.

О Вседержитель, даруй
мира земному царству,
мира и постоянства,
мира и благоденства,
и сохрани от бедствий
образ земной Твой царский –
нашего самодержца ...

КНИЖНИКИ

Мы о святости свитки напишем,
на бумаге изложим благо.
Стен и башен пергамен выше
и прочнее дворцов бумага.
Пусть чернила царского цвета
впишут букву в заглавье мира
здесь, на коже тельца, что где-то
был из чрева матери вынут.
Четность линий и почерк четкий
занесут на слепую плоскость
жизнь вселенной – а переплетчик
спрячет дырочку, где был хвостик.

УЧЕНИК

Мальчик, помни! Тебе достались
не перины и платья – перья,
не палаты и слуги – книги,
не пиры и охота – розги.
Пусть тобою владеют, мальчик,
только двадцать четыре буквы,
те, что правят в дворцах и в кельях,
те, что вместе приемлют вечность.
Вот наследство ученых, мальчик!
и заплатит купец асийский,
и расскажет далекий путник,
и епископ седой попросит.
Ты откроешь им двери мира,
ты объявишь им тайный смысл,
и тебя самодержец примет,
и небесный Владыка вспомнит ...
За окошком – стрижи, да тонкий
голосок распевает где-то ...
А учили плясать – Платона?
Знал Плутарх, что такое – лето?
Если вечность пропахла скукой,
то опаснее розог – розы,
и красней киноварной краски
у девчонок крестьянских губы ...

ИСПОВЕДЬ

Да, мы гршили, Господи,
шепот – не речи слушали;
да, мы болели веснами –
смилуйся же над душами,
плоть Сотворивший дерзкую,
петь соловьев Заставивший,
Боже, Создавший девушек
и удалых товарищей,
лозы Возрастивший винные,
поле Венчавший маками ...
пели над изобилием –
не над грехами плакали.
В вечность с таким – возможно ли?
Нам покаянье – поздно ли?
Как же прекрасен, Боже мой,
мир сей, Тобою созданный!

ИНОК

Молитва подобна дыханию, дыханье – волнам,
лежащим к скалам внизу, у начала лазури,
ведущей от всех городов, что разбросаны там,
где все остаются земными холодные бури.
И парусу вера подобна, молитва – рулю,
а память живая – бессмысленной чайке над реей,
что вьется над пеной, но выверен курс кораблю,
чтоб в тихую гавань войти, ни о чем не жалея.
Но те города – как бежать от них? – те города,
где царский палач наставляет в догматах упрямых,
со стуком в ворота обители входят сюда –
в молчащих глазах и едва зарубцованных ранах.
и новый эдикт объявляет, что бывшее – ложь,
и новый игумен небывшего бывшим не сделал ...
Молитва должна быть дыханьем, биеньем – но все ж
сбивается сердце на горной тропе обомшелой.
То трость, то перо – а ведь сердце уже никуда;
и море по памяти, ибо глазам не по силам ...
И загнанный мир – не простив, не прельстив, не отдав –
в поту и крови приползает к бегущим от мира.

РАТНИКИ

Разметили борозды поле, индикты – века ...
Налоги, и власти, и влага в простудную пору ...
Империя – сердце: то сжаться, то снова толкать
границы наружу, и мускулы тратить упорно.
И вены дорог набухают осенним дождем,
и плоти полей наливаются солью незрелой.
Фалангами – пахота, мертвыми – сев. Подождем.
Проходит граница – как плетка проходит по телу.
Усталое сердце, что сжалось и не расцвело;
не умерло семя, и всходы не будут живыми;
и выйдет, что небо Италии слишком мало
и слишком просторна степная поземка России.
Пока – перед схваткой сжимаются в камень поля
и меч в этих пальцах, покрытых пылью чернозема.
От судорог боли – под плугом очнется земля,
раскрыв борозду для ладони, до боли знакомой.

АКРИТЫ

За строем каштанов мой город,
за цепью щитов.
В ложбине у моря мой город,
за блеском брони.
В мой город приходят галеры
больших городов
И сомкнутым строем проходят
обычные дни.
Мы знали все тропы у скал
за дальней горой
Мы знали, как править удар,
привстав в стременах,
И неудержим на скаку
был мой вороной,
И чувство меча на боку –
сильнее, чем страх.
По запаху гари, товарищ,
мой город сыщи.
По горным заставам, товарищ,
тела подберешь.
В крови сарацинской – не наши
зардеют мечи
и срубят каштаны на башни,
но что с них возьмешь ...

СО СТЕН

Светлые воины
строя небесного!
Воинам горестным,
стражникам бедствия,
пращникам, лучникам,
жаждой иссушенным –
помощи – свыше лишь ...
Панцирей – лучших бы ...
Воины светлые!
Павшим – Небесного,
выжившим – этого
царствия тесного,
в башнях осадных зажатого ...
Стенами вдовьими,
кровлями детскими
будьте в сем городе,
силы небесные!
И у последнего
вставшим убежища –
помощи, помощи!
Взять ее – где ж еще ...

ГОРОД

Плачьте, камни, раз не стало стен,
плачьте, угли, раз не стало кровель ...
Участь городов – смиряться с тем,
что вода в колодцах – вкуса крови.

«Горько плачет он ночью
и слезы на щеках его;
никто его не утешит
из всех любивших его;
все друзья изменили ему
и стали врагами ему».

Друг мой, брат мой, Иерусалим!
Мой учитель ... Все-таки досталось
стать мне повторением твоим,
с плеч не сняв имперскую усталость.

«Я призывал имя твое, Господи,
из глубины могильной;
Ты слышал голос мой, не закрой
ухо Твое от стона моего, от вопля моего;
Ты снисходил, когда я взывал к Тебе,
Ты говорил: «не бойся!»

Горы поседели от снегов,
море разрывало клочья пены.
Доходя до чуждых берегов,
голос разливался по вселенной.

«Если забуду тебя, Иерусалим –
забудь меня, десница моя!»

Города вжимались в кольца стен,
серым пеплом морщились равнины.
Языками пламени – ко всем
обращался Город Константина.

ОСТРОВ

Кто осилит и кто оспорит
то, что намертво нам дано:
как о скалы взлетает море,
как в давилях течет вино.
Кто поднимет и кто измерит
пласт земли – да земным плечом?
Тонким шумом очерчен берег,
терпким соком он наречен.
Он затерян в веках и водах
и не знал с той поры вестей,
как, судьбе предпочтя свободу,
здесь осел земной Одиссей.
Но не ведавшему империй –
с ними выпадет заодно:
волны крови умоют берег
и пойдет лошадям вино.
только – хочет или не хочет –
он восстанет и из золы,
потому что прибой – не кончен,
и не вытравлен – рост лозы.
Пусть не знают – сытнее хлеба,
Пусть не помнят – пьяней вина,
выше гор, недоступней неба,
крепче рук – и доступней дна.
Тяжесть хрупкая виноградин
и скольжение простых сетей –
чтобы к сроку игрались свадьбы,
чтобы к сроку крестить детей.
Это им – подбирать отважно
хризолит на прогретом дне
и босые ступни однажды
обагрить в молодом вине.
Это здесь – за грехи вселенной,
багровеющей от грозы,
платят потом соленой пены,
платят кровью немой лозы.

КАМЕНОТЕС

- А резец – держал?
– Да ну ... Куда мне ...
Пробовал вот разве – для себя.
- Деревяшки?
– Точно.
- А по камню?
Так смотри! Берешь – и бьешь сюда.
Пробуй! Нет, опять. По пальцам? То-то.
И вот так! без лишнего следа ...
Это, парень, хлебная работа –
и у вас ведь строят города.

Сквозь навес – узорчатое солнце,
дышит воздух пылью и вином;
и огня не чувствуя – сотрется
в кровь ладонь над новым ремеслом.
День Тавриды клонится и гаснет,
виноградных лоз узор тесней;
паренек – да хмурый этот мастер
у холодных вздыбленных камней.

- Это, парень, что – места глухие,
да мои – не прежние дела.
Если б и тебе – Святой Софии –
горизонт согрели купола!
Чтобы над лазурью – вырастая,
чтобы ты от гавани – бегом,
чтоб ты, деревенщина, растаял,
чтобы ты отведал, что почем.
Чтобы ты вошел и поднял очи ...
Это точно – ответ неземной
в красоте земной ... Ну, и короче –
есть узоры, резанные мной.
– А за что ж – сюда?

- Так вышло, парень.
Ну, до завтра.
– Правда?
- Чтоб с утра,
чуть взойдет – и в горы, за камнями,
нам успеть, покуда не жара.

Камень, политый солнцем.
Камень, согретый потом.
То, что вовек не гнется –
это его работа.
Что не навеки прочно,
не по канонам верно,
что и запомнит точно
только его деревня.
пара веков – и ляжет
щебнем, мостить дорогу.
То, что как жизнь – однажды
только ему от Бога.

ПЕРЕВОДЧИК

(Преподобный Максим Грек)

К этим диким степным народам,
к этим властным лесным царям –
если выйдет, на два-три года,
сослужить бы свое, а там ...
Там лазурь, и грохочет пена,
камни в пропасть роняет мул,
Божьей Матерью дан вселенной
скит афонский на караул.
Там, где ветер соленый – куколь
вновь сорвет и в лицо горстями
бросит брызги, где снова – угол
для людей, чтобы стать людьми.
А покуда – впиваясь в звуки
дерзкой речи, распутать нить ...
Альфа, вита – на аз да буки
научиться переменить.
А покуда – простылый терем,
круговерть за окном с утра ...
Но я верю, Господи, верю –
Ангел Твой на конце пера.

* * *

И к чему же – твои усилья?
Так ли: веди-глаголь-добро?
И ломали на дыбе крылья,
переламывая перо.
но перо – то ли ангел белый,
то ль чернец какой – обронил.
Раз перу доставало дела,
то крылу доставало сил.
Пусть по телу писали красным,
пусть слепая идет игра,
но я знаю, что не напрасно
пальцам дан обломок пера.

* * *

Где дворцы, где сырая яма,
где все то, что пришло сполна?
Лишь скамья, да свеча, да упрямо,
там, снаружи, метет зима.
Ты свободен отныне, отче,
от оков и от новых бед,
только ноги нейдут, да очи
не глядят на Господень свет.
Только годы, железа злее ...
Где лазурный твой скит, скажи?
Отдалили годы вернее,
чем закрытые рубежи.
Что же в пальцах – перо? К чему же?
Лист плывет и свеча дрожит

В этих светлых очах, лишь стужа
как тогда, за окном гудит ...
Лишь две дюжины – альфа, вита,
да славянская россыпь слов.
Что крыло твое? – Недобито,
но российских седей снегов.
Только копоть дешевой свечки
очи ест, и бежит слеза.
И глядят не на лист, а в вечность
недовидевшие глаза.
Как же очи наклонишь ближе?
Где светильник возьмешь сильней?
– Но я вижу, Господи, вижу
Свет лазури, Боже, Твоей!

*Июль 1990 – июль 1993,
Юрмала – Москва – Амстердам.*